

«Почему снова этот Наблюдатель?»

«В отделе надзора больше нет сотрудников?»

Впрочем, сейчас у Шуй Цюэ не было времени на препирательства с Наблюдателем-01. Ещё немного, и главный герой скроется за краем моста.

Шуй Цюэ решительно поджал губы.

Помня, что он изображает вывихнутую ногу, он вприпрыжку догнал юношу в одежде из грубой ткани и поспешно ухватился за его рукав. Под рукавом скрывалась рука, державшая два свитка, перевязанные тонкой джутовой верёвкой.

Ци Чаоцинъ, прикрыв веки, стряхнул руку, что цеплялась за его одежду.

— Что вам угодно?

Он не узнавал этого лица, оно было ему незнакомо.

Шуй Цюэ, ничуть не смутившись, не опустил поджатую ногу. Его ресницы трепетали, а уголки глаз покраснели — то ли от солнца, то ли от чего-то ещё, отчего он выглядел особенно жалко.

— Добрый господин, — прошептал он, — я... я подвернул ногу. Не могли бы вы мне помочь?

Его губы, алые от природы, и невинное лицо создавали странно притягательный образ. Не будь сейчас полдень, он сошёл бы за духа-искусителя из уличных романов, что заманивает в свои сети прохожих учёных.

— Ошиблись, — без тени смущения произнёс Ци Чаоцинъ.

Шуй Цюэ не понял и медленно моргнул.

— Что?..

— Ногой, — Ци Чаоцинъ указал на приподнятую ногу юноши. — Вы жаловались на левую.

Шуй Цюэ смущённо опустил правую ногу.

«Как неловко...»

В спешке он совсем забыл, какую ногу «подвернул».

По мосту Бацзы сновали толпы прохожих, то и дело бросая любопытные взгляды на двух красивых юношей. Ци Чаоцзинь не собирался становиться представлением для зевак. Он опустил веки, мельком взглянув на смущённого Шуй Цюэ. В его глазах не было никаких эмоций. Он развернулся и, больше не обращая на него внимания, пошёл прочь.

Шуй Цюэ, уже не заботясь о притворстве, побежал за ним.

Его спутник, очевидно, уже достиг совершеннолетия. И хотя он был худ, но высок и статен, и шагал он широкими, быстрыми шагами. Попав в этот мир, Шуй Цюэ обнаружил, что стал немного ниже. Система объяснила, что для соответствия эпохе его возраст был изменён на восемнадцать лет. Разница была невелика, но выглядел он теперь совсем юным и хрупким, как молодой бамбуковый росток.

Ци Чаоцзинь был выше его на целую голову, и юноша едва за ним поспевал.

За мостом Бацзы раскинулись торговые ряды. Уличные торговцы и разносчики теснились вдоль дороги. Ещё не проданные с утреннего рынка вяленое мясо, потроха, пирожки, куриные обрезки и прочие закуски всё ещё лежали на прилавках. Улица, протянувшаяся на несколько ли, была невероятно оживлённой.

В толпе, где все толкались плечами и сновали туда-сюда, Шуй Цюэ едва не потерялся.

Впереди, кажется, кто-то вздохнул. В конце улицы, где толпа поредела, Ци Чаоцзинь остановился и, обернувшись, холодно посмотрел на юношу, следовавшего за ним по пятам, словно хвостик.

— Прекратите преследовать меня.

Шуй Цюэ открыл и закрыл рот, не зная, что ответить.

Внезапно раздалось громкое урчание.

Ци Чаоцзинь уставился на покрасневшие кончики ушей юноши.

— Не завтракал... — пробормотал тот.

Живот подвёл его в самый неподходящий момент.

Шесть медных монет со звоном легли на деревянный стол. Над прилавком висела вывеска с двумя иероглифами, написанными кистью, — «Юньци».

— Дядюшка Юнь, два пирожка с кислой начинкой, — сказал Ци Чаоцинъ.

— Сейчас будут, — хозяин лавки достал из пароварки два пирожка, завернул их в промасленную бумагу и протянул Ци Чаоциню. Клубы пара окутывали его, и он с любопытством взглянул на спутника молодого человека. — Ай-яй, какой хорошенький молодой господин. Ци-второй, это твой родственник? Не припомню такого.

Молодой человек, опустив взгляд, сжал губы в тонкую линию и опроверг догадку хозяина:

— ...Нет.

Он отошёл от прилавка, чтобы не мешать другим покупателям, и протянул свёрток Шуй Цюэ. Пирожки только что из пароварки были обжигаяще горячими. Тот потянулся было за ними, но, коснувшись бумаги, тут же отдёрнул руку, словно обжёгшийся котёнок. Кончики его пальцев покраснели.

Он робко поднял глаза на Ци Чаоциня.

— Горячо...

— ...

Шуй Цюэ потёр пальцы, на которых ещё оставалось тепло от пирожка.

«Он из доброты душевной купил мне еды, а я ещё и жалуюсь. Как невежливо...»

— ...Ешь, — сказал Ци Чаоцинъ, всё ещё держа свёрток.

Пирожки с кислой начинкой на деле оказались обычными овощными. Тесто было в меру тонким, а овощи внутри — мягкими и сочными. Шуй Цюэ ел прямо из его рук, после каждого укуса обдувая горячую начинку.

Воздух касался руки Ци Чаоциня. Тёплый и лёгкий, словно пёрышко, он щекотал кожу.

Юноша, нахмурившись, терпел. Они стояли под навесом, укрываясь от палящего солнца.

Доев, Шуй Цюэ облизнул губы и, подняв глаза, поблагодарил:

— Спасибо.

Влажный блеск на его губах мелькнул и исчез.

«Словно кормишь бродячего котёнка».

— Ты поел. Больше не следуй за мной. Если подвернул ногу, в переулке напротив есть лекарь.

Шуй Цюэ, заметив, что тот смягчился, уже было подумал, что сюжет наконец-то сдвинулся с мёртвой точки, но оказалось, что Ци Чаоцзинь просто хотел от него отделаться. Ему снова пришлось поспешить за ним.

Улица заканчивалась у юго-западных ворот уезда Чанчжоу. За воротами простирались заливные поля. Сначала ровная, грунтовая дорога становилась всё более узкой и ухабистой. Позади остались поля, а впереди возвышались поросшие редким лесом холмы.

Ци Чаоцзинь ходил этой дорогой больше десяти лет и шёл по ней уверенно и быстро, как по ровной земле. Шуй Цюэ едва поспевал за ним.

Спустившись со склона и перейдя через небольшой ручей, Ци Чаоцзинь больше не слышал торопливых шагов позади.

«Неужели ушёл?»

Дальше начиналась волость Цзюлун. Эта местность была куда беднее уезда Чанчжоу. Повсюду виднелись лишь плетёные хижины, даже дома с черепичными крышами были редкостью. Любой, кто взглянул бы на него, сразу понял бы, что он беден, и вымогать у него деньги бессмысленно.

Шаги стихли.

Ци Чаоцзинь помедлил и обернулся.

Юноша, следовавший за ним, остался далеко позади — он лежал в ручье.

Шуй Цюэ промок до нитки. Ручей был неглубоким и нешироким, едва ли больше ручья, но всё же его можно было назвать рекой. Когда-то давно кто-то положил поперёк несколько больших камней, чтобы прохожие могли перебраться на другой берег, не замочив ног — вода доходила как раз до края камней. Но за долгие годы камни покрылись скользким мхом.

Он поскользнулся и с плеском упал в воду.

На этот раз он действительно ушибся, сильно ударившись коленями.

Номер 77 от волнения кружил вокруг него.

[Какой жестокий главный герой! Плохой!]

Шуй Цюэ несколько раз судорожно вздохнул, но ему было не до боли. Шляпа, которую он держал в руках, упала в воду и поплыла по течению. Он вытянул руку, пытаясь её достать, но стоило кончикам пальцев коснуться полей, как поток унёс её ещё дальше.

Это ведь была его начальная экипировка, купленная Номером 77 за системные очки!

Чья-то рука подняла шляпу из воды. Костлявые пальцы с заметными мозолями на среднем.

Положив книги на берегу, Ци Чаоцзинь молча стряхнул воду со шляпы и помог Шуй Цюэ подняться.

— Где ты живёшь? — спросил он.

Юноша в промокшей светлой одежде, с которой всё ещё стекала вода, лишь покачал головой.

— У... у меня нет дома...

На этот раз он не лгал. По сюжету, у его персонажа в этом мире не было ни прошлого, ни семьи. Он просто появился из ниоткуда, и первым, кто его встретил и приютил, был главный герой.

Чтобы его слова звучали убедительнее, он добавил:

— Я ударился головой. Помню только, что меня зовут Шуй Цюэ, а всё остальное забыл.

Его взгляд был ясным и чистым, не похожим на взгляд лжеца. Шуй Цюэ просто смотрел на него.

«Они ведь посреди глуши, вдали от деревень. Неужели его провожатый настолько бессердечен, чтобы бросить его здесь?»

Ци Чаоцзинь нахмурился и, наконец, уступил:

— Идём со мной.

— Не могу, — сказал Шуй Цюэ. Увидев, как Ци Чаоцзинь обернулся с нетерпением на лице, он тихо добавил: — Я упал... На этот раз я не вру, я ушиб обе ноги.

Он хотел было поднять штанину, чтобы показать ушибы, но Ци Чаоцзинь остановил его.

— ...

— Залезай, — сказал он, присев спиной к Шуй Цюэ.

Худощавый, но широкоплечий юноша.

Шуй Цюэ отжал одежду, и с неё полилась вода. Он нерешительно произнёс:

— Моя одежда мокрая. Может, ты просто поддержишь меня?

На виске Ци Чаоцзиня вздулась вена.

— Залезай, или мы дойдём только к закату, — процедил он сквозь зубы.

— Я не так уж медленно хожу, — пробормотал Шуй Цюэ.

Раз уж тот согласился, он послушно забрался ему на спину. Ци Чаоцзинь протянул ему шляпу.

— Держи.

— Угу.

Ци Чаоцзинь одной рукой придерживал книги, а другой пришлось обхватить Шуй Цюэ, и его рука неизбежно легла на мягкое место. Ему стало не по себе.

Шуй Цюэ, казалось, понял его затруднение. С одной свободной рукой тот не смог бы его нести. Он вытер руки о спину Ци Чаоцзиня и, вытирая, проговорил:

— Моя одежда мокрая, чем больше тру, тем мокрее. А твоя сухая... Извини.

Затем он протянул чистые руки.

— Давай я понесу книги.

Теперь, когда его руки были сухими, он не намочит их.

— ...

После долгого молчания книги всё же оказались в руках Шуй Цюэ.

Дом Ци Чаоцзиня находился в деревне Цинхэ волости Цзюлун. От уезда Чанчжоу быстрым шагом можно было дойти за полчаса, но зимой, когда выпадал снег, дорога занимала больше времени. Горная тропа была извилистой и неудобной для передвижения.

Когда они добрались до деревни Цинхэ, перед ними открылся широкий вид. Дома стояли ровными рядами, в воде отражались зелёные кроны деревьев. Вдоль реки тянулась апельсиновая роща — кто-то из местных, видимо, возил апельсины на продажу в уезд.

Дом Ци Чаоцзиня стоял у подножия горы, рядом с небольшим ручьём, огибавшим двор. Двор был огорожен плетнём, а на бамбуковых воротах висел медный замок, покрытый зелёной патиной.

Войдя во двор, они оказались перед светлым главным домом, по бокам от которого стояли две небольшие пристройки. Стены были глинобитными, а крыши покрыты соломой, камышом и тростником. И хотя это была простая хижина, окна в ней были чистыми, а изгородь — крепкой и ухоженной.

В главной комнате Ци Чаоцзинь усадил его на плетённый табурет у двери. Почти в каждой крестьянской семье были настойки от ушибов. Он достал одну из шкафа и велел Шуй Цюэ задрать штанину.

Раны, полученные в прошлом мире, уже зажили и покрылись корочкой, оставив лишь лёгкое покраснение. Но после сегодняшнего падения колени, хоть и не кровоточили, были покрыты сине-фиолетовыми синяками, выглядевшими пугающе.

Он налил настойку на руку и начал втирать её в колени Шуй Цюэ. Тот всё время дрожал, и Чаоцзиню приходилось крепко держать его ногу, чтобы лекарство подействовало.

Кожа была гладкой и нежной.

«Явно не из крестьян».

Остальная кожа на ногах была белой, как весенний снег. Сняв обувь и носки, он увидел маленькие, аккуратные пальцы с ногтями ровного телесного цвета, похожими на нежно-розовые лепестки диких цветов.

Он велел Шуй Цюэ переодеться в его старую одежду. Одежды в доме было мало, и та, что он нашёл на дне сундука, была ему мала — он носил её до того, как вытянулся. Но Шуй Цюэ она оказалась впору.

Несмотря на то, что одежда из грубого полотна была застирана до мягкости, кожа юноши всё равно покраснела от трения.

Даже у любимого младшего сына помещика не было такой нежной кожи.

Ци Чаоцзинь нахмурился, заметив на шее Шуй Цюэ замок долголетия с изящным узором.

«Завтра отведу его к чиновникам».

<http://bllate.org/book/15811/1439577>